

Эйгон сидел у разожженного им костра и смотрел на карту, которую взял перед отъездом из Винтерфелла.

Несмотря на то, что Фростфайр, казалось, уже знал, куда она направляется — направлялась ли она валирийской магией в крови Дейенерис, Драконьими снами или каким-то шестым чувством, которого он не понимал, Эйгон хотел проложить их курс, поэтому у него появилась идея. чего ожидать. Где они должны приземлиться, чтобы отдохнуть по пути в Пентос.

Они уже пролетели мимо Белой Гавани и сейчас отдыхали на краю Укуса, восточнее Старого Замка. В идеале Эйгон хотел держаться подальше от человеческого жилья. Он знал, что, вероятно, кто-то уже хотя бы мельком видел Фростфайр, несмотря на то, как высоко они летели, но не было необходимости выставлять их напоказ больше, чем это было необходимо.

Волны Укуса плескались о скалистые берега неподалеку. Фростфайр в данный момент был где-то в другом месте; охота скорее всего.

Он услышал знакомый звук тяжелого взмаха крыльев и поднял голову. Говорить о дьяволе.

Его дракон приземлился рядом, встряхнувшись с низким рычанием. Он моргнул, когда понял, что у нее что-то зажато в когтях, и скривился — это был олень. Во всяком случае, то, что от него осталось. Он мог видеть только верхнюю половину тела; остальное отсутствовало. Вероятно, уже в его драконьей кишке.

Однако она казалась довольно сытой. Фростфайр обнюхал обугленное тело, оторвал одну из передних ног и отвернулся от остальных оленей, чтобы свернуться клубочком и отдохнуть.

Эйгон прикусил губу. Он держал свой запас воды полным и имел много питья, но он мало ел в последние два дня. Он не был в состоянии нести на себе много вещей.

Он подошел к останкам оленя и посмотрел на Фростфайр, насвистывая, чтобы привлечь ее внимание. Она смотрела, как он опустился на колени, чтобы коснуться оленя, но не отводила от нее взгляда. Его глаза молча просили разрешения.

Казалось, она обсудила его невысказанный вопрос, прежде чем фыркнуть и отвернуться. Должно быть, она действительно наелась. Он смутно вспомнил, как Санса отдавала Брану то, что ей не хотелось, и эта мысль позабавила его.

В конце концов, Фростфайр был так близок к родной сестре, как никогда раньше. Что бы валирийская магия ни позволила ей вылупиться, она позаботилась об этом.

Эйгон вытащил свой охотничий нож и начал сдирать с оленя всю оставшуюся шерсть. Фростфайру нравилось делать ее еду вкусной и хрустящей — Эймон сказал ему, что это обычное дело для драконов. Они предпочитали готовить свою добычу перед тем, как съесть ее.

Фростфайру, похоже, нравились ее блюда, но Эйгону это тоже нравилось. Он не хотел есть подгоревшее мясо.

Он наелся досыта и вздохнул с облегчением. Он нуждался в этом.

Теперь он вернулся к карте, чтобы проложить их курс. От того места, где они расположились лагерем сейчас, на северном берегу Укуса, он собирался лететь на юг, к Пальцам. Завтра они разобьют там лагерь, а затем полетят на юг через Долину и мимо Гнезда. Там жила его тетя Лиза, но он не собирался заезжать в гости к семье.

После этого он хотел сделать еще одну остановку к юго-западу от Города Чайки, снова как можно дальше. Они пересекут еще один участок воды и направятся немного на восток, чтобы разбить лагерь на краю Узкого моря.

Там они найдут кратчайший путь из Вестероса в Эссос. Это все еще был бы долгий полет, но пересечение Укуса дало бы им приблизительное представление о том, чего ожидать. Надеюсь, погода будет благосклонна.

Какая-то его часть ненадолго хотела полететь дальше на юг, к Драконьему Камню, который находился прямо через Узкое море от Пентоса, но это путешествие было бы слишком долгим и приблизило бы их к Королевской Гавани, чем его вполне устраивало. Кроме того, Станнис Баратеон был нынешним Лордом Драконьего Камня, и он точно не был бы доволен, если бы Эйгон появился из ниоткуда.

Нет, Драконьему камню придется подождать, если он когда-нибудь в будущем посетит древний вестеросский дом своего Дома.

Как только они достигнут Эссоса, он планировал дать себе и Фростфайру короткую передышку. День или два, может быть, чтобы восстановить силы. К тому времени у него оставалось около двух недель до того, как Дени должна была выйти замуж за дотракийского кхала.

Возможно, через два дня они смогут быть в Пентосе.

Эйгон знал, что ему здесь делать. Простое раскрытие себя с помощью Фростфайра сразу же сделает его главой дома Таргариенов. Он прикажет Визерису отменить запланированный брак Дейенерис с дотракийским кхалом или заставит сделать это своего дядю.

Чего он не знал, так это того, что ему следует делать после того, как он вытащит Дени из этого беспорядка. У него было время подумать об этом. Не похоже, чтобы на Фростфайре было чем заняться, кроме как думать.

Самым заманчивым вариантом было просто посадить Дэни на спину Фростфайра и улететь к черту. Но это было детское решение, а он больше не мог быть ребенком. Он должен был быть Всадником Дракона.

Ему придется поговорить с ними об этом, но он знал, что они слишком долго пробыли в Пентосе. Дени рассказывала ему во сне о мужчинах, которые пытались проникнуть в поместье — вероятно, чтобы убить ее и Визериса — и были убиты стражниками. Убийцы еще не были такими опытными, но он не хотел рисковать. В конце концов, королю Роберту надоели неудачи, и он купил убийцу, который добьется успеха.

Нет, им нужно было покинуть Пентос вскоре после его прибытия. Эйгону придется спланировать эту поездку с Дейенерис и Визерисом, если его дядя будет готов к этой идее к тому времени, когда он отдаст новый приказ в качестве главы дома Таргариенов.

Это была еще одна забота. Если Визерис откажется уважать свои полномочия главы дома, у Эйгона не останется выбора. Он был бы вынужден либо изгнать Визериса, либо казнить его, если бы ярость его дяди оказалась слишком сильной.

И он почти не сомневался, что ярость Визериса будет огромной.

Рот Эйгона раскрылся в широкой зевоте. Он был измучен долгими днями полета, и его тело болело. Он подумает об этом еще, когда они будут парить над Укусом. А пока ему нужно

поспать.

Нед Старк спрятал лицо в ладонях, и напряжение катилось от него волнами.

Джон сбежал глубокой ночью пять дней назад. Он сунул письмо под дверь комнаты Неда и Кейтилин, а затем почти бесшумно выскользнул из Винтерфелла.

Он вспомнил холодок в животе, когда узнал почерк Джона. Возможно, тогда он уже знал, что собирался прочитать, но ему пришлось сесть на кровать с Кэт, прежде чем он открыл ее трясущимися пальцами.

Он намеревается продать ее дотракийскому кхалу. Я не могу позволить этому случиться. Я не знаю, когда я вернусь. Передай мою любовь моим братьям и сестрам.

Джон.

Оно было кратким и расплывчатым, и ничего не значило для всех, кроме тех, кто понимал, что могло заставить Джона уйти таким образом. Кейтилин взяла его руку и крепко сжала ее, когда они обе поняли, что произошло.

Джон поделился другим Драконьим Сном с Дейенерис Таргариен и узнал, что Визерис собирается продать ее варвару. Почему, никто из них не знал наверняка, но Нед мог только предположить, что последний сын Безумного Короля хотел армию.

Теперь он ушел, чтобы попытаться остановить брак.

«Возможно, мы сможем его догнать», — настаивала Кейтилин.

«Я пошлю всадников в Черный Замок», — Нед уже думал о том, кого он мог бы поскорее послать. «Если повезет, они доберутся до него раньше, чем он доберется до Стены, даже с тем преимуществом, которое у него есть».

Он сжег письмо. Никто, кроме него и Кэт, не мог знать, что это вообще было написано. Он был слишком чувствительным, даже для того, насколько расплывчатым он был.

Его всадники вернулись рано утром с лошадьёю Джона, но не с самим Джоном. Они нашли его бродящим примерно в двух днях к северу от их дома, и, обыскивая местность в поисках каких-либо следов всадника, они заметили набор гигантских следов, принадлежащих странному зверю, которого никто из них не узнал.

Мужчины принесли многочисленные извинения, заявив, что, вероятно, отпрыск Неда мертв.

Он знал лучше.

Дракон пришел за ним, и теперь Джон был слишком далеко, чтобы его могла поймать ни одна лошадь. Насколько Нед знал, он мог вызвать его во сне, который разделит с Дейенерис. Он пролетел это огромное расстояние через Стену до его территории всего за два дня.

К этому моменту Джон мог быть уже в Долине. Даже посылать воронов было бы слишком медленно. Ничто не могло летать так быстро, как этот дракон.

До Роберта оставалось еще несколько недель. Винтерфелл готовился к его прибытию, и Нед тихо приказал своим всадникам ничего не говорить об исчезновении Джона — просто о том, что он уехал в Черный Замок раньше, чем ожидалось. Он также приказал им молчать о

гигантских следах, которые они видели. В ближайшее время он прикажет поисковой группе исследовать те, что, как он уже знал, будет бесплодным.

Но ему приходилось соблюдать приличия. Если повезет, погода сотрет большинство из них, прежде чем кто-либо с наметанным глазом сможет предположить истинную природу зверя.

Почти то же самое он сказал своим детям, за исключением новостей о звере. Он сказал им, что Джон уехал на Стену немного раньше, чем предполагалось, по настоятельной просьбе их дяди Бенджена. Все они, кроме Сансы, были разочарованы этой новостью, но приняли ее с готовностью.

Он хотел бы сказать им правду, но Кейтилин была здесь, чтобы разделить это бремя.

Когда он сел на край их кровати, зная, что ему пора отдохнуть, она встала позади него на мехах, чтобы прижать к себе мужа. — Верь, Нед. Его защищает дракон.

— Я знаю, — вздохнул он. «Но он еще так молод, Кэт. Он не готов сражаться с дотракийцами».

Она кивнула и нежно поцеловала его в обнаженное плечо. Ни у кого из них не было настроения для секса, но близость все равно успокаивала.

«Мы должны сосредоточиться на том, что мы можем сделать сейчас, милорд», сказала она ему. «Я буду скучать по нему, но я верю, что он вернется к нам. Он всегда возвращался».

Он повернул голову, и они разделили поцелуй, который был как для их любви, так и для того, чтобы успокоить расшатанные нервы, изнуряющие их обоих. «Даже в этом случае я не думаю, что успокоюсь, пока не услышу вести о нем живым и невредимым».

«Я тоже не думаю, что буду», — призналась она. «Но я утешу вас, насколько смогу, если вы сделаете то же самое для меня, мой Лорд».

Нед улыбнулся и, наконец, вернулся в постель, потянув Кэт с собой на подушки. Он натянул на них меха, и они свернувшись калачиком, наслаждались присутствием своей возлюбленной, в то время как отсутствие племянника тяготило их.

Все, что они могли сделать сейчас, это надеяться.

Эйгон попал в беду.

Он уже обнажил свой меч и с опаской наблюдал, как группа из трех мужчин осторожно шагает рядом с ним. Фростфайр ушел на охоту, но уже как можно быстрее тянул их связь.

Он не знал, откуда они взялись. Они были на полпути к своему следующему основному пункту назначения, в настоящее время расположившемся лагерем в горах между Орлиным Гнездом и Старым Якорем. Джон проверял их курс, когда услышал их приближение, и к тому времени, когда он встал на ноги, они уже были почти рядом с ним.

"Кто ты?" — хрипло спросил один из них.

Эйгон посмотрел на них троих. Все они были вооружены. Наемники или бандиты? Он не был уверен.

"Это достаточно близко," прорычал он, когда они продолжали приближаться. Мужчины замедлились, но продолжали медленно приближаться. Глаза Эйгона сузились.

"Останавливаться."

«Вы с севера», — сказал мужчина справа. «Я узнаю этот акцент».

— У меня нет ничего ценного, что ты мог бы взять, — отрезал он. «Ты зря тратишь время».

«Мы будем судить об этом. Какой у тебя красивый меч, мальчик».

Эйгон держал клинок острием вниз, но теперь он плавным движением поднял его и направил на человека, который начал атаковать его левый бок. Мужчина остановился, когда Эйгон угрожающе посмотрел на него. «Последнее предупреждение. Мне нечего взять и нечем поделиться.

"Или еще что?" Мужчина усмехнулся, потянувшись, как будто хотел ударить плоскостью лезвия.

Это был глупый поступок человека, полагающего, что он смотрит на испуганного мальчика.

Эйгон размахнулся, и его меч сверкнул, отрубив мужчине руку. Он закричал, схватившись за обрубок, из которого теперь хлестала кровь, и мальчик метнулся к двум другим, когда они начали обнажать собственное оружие. Он рванул вперед, быстрее, чем они ожидали, и перерезал горло другому мужчине. Он упал, хватаясь за смертельную рану.

Последний вытащил свой меч, и Эйгон вступил с ним в бой, агрессивно ударив человека, чтобы отбросить его к каменной стене позади него. Слишком сосредоточенный на поразительной ярости мальчика, его враг отступил к скале и поймал себя в ловушку. Эйгон сломал защиту и вонзил меч мужчине в живот. Он закричал от боли, и мальчик вырвал меч, затем схватил охотничий нож и перерезал ему горло.

Он повернулся к последнему мужчине, все еще сжимая обрубок запястья, и подошел к нему. Мужчина лежал на спине и кричал, но прежде чем Эйгон успел избавить его от страданий, на них упала тень.

Фростфайр тяжело приземлился, царапая когтями камень, и с презрением посмотрел на кричащего, окровавленного человека. Она казалась разочарованной тем, что драки не будет, но выпустила вспышку пламени, чтобы заставить его замолчать. Эйгон вздрогнул, но, по крайней мере, теперь он был мертв.

Ее голова поднялась, чтобы посмотреть на него, и она понюхала кровь, покрывающую его меха — все принадлежало людям, которых он только что убил. Эйгон поднес руку к ее морде и шикнул на нее.

— Я в порядке, девочка, — вздохнул он. — Но мы должны уйти сейчас.

Она моргнула и зарычала. Эйгону потребовалось несколько минут, чтобы очистить свой меч от крови на плащах своих мертвых врагов. Он обыскал их вещи, но не нашел ничего интересного, кроме нескольких монет. Ему не нравилась идея воровать у мертвецов, но, вероятно, ему понадобятся деньги. Он взял монету, собрал сумку и оседлал Фростфайра.

Им нужно найти новое место для ночлега. Но пока... он не хотел оставлять тела гнить. Чтобы хищники забрали его. Для кого-то, чтобы найти и задаться вопросом о своей судьбе.

Он поджал губы, глядя на трупы, и собрался с духом для неприятной задачи, которую ему

нужно было разглядеть. Дядя Нед научил его быть честным. Дозор научил его выживать .

"Дракари".

Дейенерис чувствовала, как ее сердце разрывается между надеждой и отчаянием.

Дни после ее Драконьего сна с Джоном были одними из самых долгих и несчастных в ее жизни. Ей постоянно напоминали о ее предстоящей свадьбе с дотракийским кхалом, поскольку другие торговцы стекались из Пентоса и других близлежащих городов, чтобы принять участие в праздновании. Без сомнения, надеясь купить какую-нибудь услугу у варваров.

Она держалась подальше от Визериса, насколько это было возможно физически. По крайней мере, это было нетрудно — он всегда был с Иллирио, планировал дела и обсуждал, что потребуется, чтобы отправить дотракийцев в Вестерос, как только их союз будет прочным.

Единственный раз, когда он остановился, чтобы поговорить с ней, был один вечер после ужина, возможно, через неделю после ее последнего Драконьего сна с Джоном.

Визерис вошел в ее покои и взял ее за подбородок руками, изучая ее с голодом, от которого у нее поползли мурашки по спине. «Жаль, что я не хочу иметь тебя для себя. Я бы позаботился о том, чтобы наша родословная оставалась чистой, и взял бы тебя в качестве своей сестры-жены, но Железный Трон должен быть на первом месте. Возможно, грядущая великая битва увидит смерть твоего будущего мужа. Если так, то успокойся, сестра, я сам на тебе женюсь.

В ту ночь она плакала, пока не уснула. Предложение Визериса было еще хуже, чем идея выйти замуж за дотракийского кхала. Быть шлюхой-невестой конного лорда, а затем быть отданной ее брату для его собственного удовольствия, было тошнотворной мыслью.

Дени хотелось надеяться. Ей хотелось безмерно надеяться, что Джон действительно придет за ней. Другая ее часть была в ужасе от того, что все ее сны о нем были всего лишь отчаянными фантазиями, которые ее разум создавал, чтобы поддерживать ее.

В ее жизни осталось так мало радости. Дени не думала, что справится с этим, если обнаружит, что Джон и Фростфайр были просто... плодом ее воображения.

И поэтому в ночи между ее последним Драконьим сном и предстоящей свадьбой Дени свернулась калачиком под простынями своей кровати, спряталась в подушку и умоляла всех существующих богов.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, помогите ему найти меня.

Она снова плакала, чтобы уснуть.

Эйгон посмотрел на восток.

Ранним утром он был на спине Фростфайра. Они были на краю Узкого моря, к северу от Драконьего Камня. Оба они были готовы к предстоящему полету. Расстояние, которое им предстояло преодолеть, было примерно таким же, как и у Укуса, разве что немного больше.

Это было бы утомительно, но сейчас они не могли останавливаться на продолжительный отдых. Прошло уже больше недели с тех пор, как Дени рассказала ему, что с ней будет. У них еще было немного времени, но оставаться в Вестеросе было слишком опасно. Им нужно было уйти сейчас.

Это показалось ему ироничным. Сотни лет назад, недалеко к югу от них, Эйгон Завоеватель посмотрел на запад и увидел будущее. С Балерионом Черным Ужасом он прилетел в Вестерос в поисках Семи Королевств, чтобы править.

Несколько поколений спустя Эйгон Таргариен, шестой по имени, вместе с драконом Фростфайром посмотрел на восток, чтобы спасти последнего члена своей семьи.

Он прижался к спине Фростфайр и призвал ее пройти следующий большой отрезок пути.

"Совес".

Фростфайр взревела и взлетела в небо. Под ними бурлило Узкое море. До сих пор погода была ясной, и Эйгон мог только надеяться, что так и останется.

Он все еще привыкал к растущей жаре, но, по крайней мере, высоко в воздухе было прохладно. В то время как ему было некомфортно в своем меховом плаще и одежде северянина, Фростфайр, казалось, упивался этим. Тепло юга приносило ей энергию, которой ей не хватало на Севере, при всей ее великой силе.

Она выросла на холоде и стала жесткой. Закаленный. В жару она возвращалась домой, потому что огонь вдыхал жизнь драконов, а климат разжигал ад в ее крови. Дал ей жизненную силу, превосходящую все, что он видел в ней раньше.

Фростфайр нырнула ближе к морю, ее крылья подняли брызги воды, но она только взвизгнула и снова взмыла вверх. Эйгон следил за ее движениями, скорость которых росла.

Вестерос был позади них. Эссос лежал впереди, а Пентос на его берегу.

Дейенерис лежала впереди.

Фростфайр ускорил темп, и Эйгон усмехнулся. Лошади были для него испорчены с первого их совместного полета. Он любил летать.

Чуть меньше чем за две недели до того, как она должна была выйти замуж за дотракийского кхала Дрого, Дейенерис обнаружила, что утром разговляется с магистром Иллирио и Визерисом. Слуги суетились вокруг них, а неподалеку стоял на страже сир Джорах.

Она оценила присутствие Рыцаря. Джорах был источником солидарности с Дени, но ему никогда не позволяли говорить, пока рядом был Визерис. Иногда он рассказывал ей истории о Вестеросе. Ей нравились те.

«Итак, принцесса Дейенерис, я подумал, что вам может быть интересна информация о ходе вашей предстоящей свадьбы», — заявил Иллирио.

Еда превратилась в пепел во рту. Она заставила себя кивнуть и приятно улыбнуться, несмотря на тошноту в животе. — Конечно, магистр.

«Великолепно! Так что, конечно, несколько моих партнеров приедут, чтобы подарить вам и вашему будущему мужу подарки», — сказал ей торговец. «Надеется, что это будет довольно многолюдно. Надо сказать, что большая часть нашей компании будет дотракийцами. Кхал берет с собой весь свой кхалесар».

«Мне приятно это слышать», — услышала она свой собственный голос, отсутствующий и

отстраненный от разговора настолько, насколько это было возможно.

— У меня самого есть для тебя особенный подарок, — сверкнули глаза Иллирио. «Сокровище, достойное Таргариена».

Это, по общему признанию, несколько возбудило ее любопытство, но любые вопросы, касающиеся особого подарка, внезапно остались невысказанными.

Они слышали какой-то шум снаружи. Визерис нахмурился и посмотрел через плечо на окно, наблюдая, как охранники и слуги перемещаются вокруг. Многие из них выглядели растерянными или обеспокоенными. "Что-то происходит?"

— Возможно, это еще один из моих товарищей-торговцев, — сказал Иллирио, вставая. — Прошу прощения за прерывание. Я поем с вами позже, потому что...

Слуга внезапно вбежал в комнату и упал на колени, глядя на Иллирио. «Хозяин! Зверь идет за городом!»

Бровь Иллирио поднялась. "Зверь?"

"Да! Говорят, он огромный!"

Джорах положил руку на меч и посмотрел на Визериса. — Может быть, стоит посмотреть, из-за чего весь этот переполох, ваша светлость?

— Да, — признался Визерис, выглядевший несколько любопытно. «Это событие привлекло мой интерес. Мы поедем позже. Приготовьте для нас свежую еду к тому времени, когда мы вернемся».

Слуга выглядел слишком счастливым, чтобы убежать вглубь поместья, подальше от того, что приближалось к Пентосу.

Они вышли наружу, и Мастер вызвал свою личную охрану, которая окружила их и вывела группу за пределы территории поместья. Еще несколько слуг бежали к ним с широко раскрытыми глазами в панике.

"Останавливаться!" Иллирио приказал им, глубоко нахмурившись. "Что бежит за нами?"

"Нет! Он летит!" Женщина взвизгнула. "Это летает-!"

Дени услышала вдалеке панические крики, а затем их всех заглушил рев, сотрясший землю, море и небо. Ее голова дернулась вверх, глаза расширились, и дыхание вырвалось из легких.

Она почувствовала момент, когда ее сердце остановилось, а затем снова захлестнула надежда.

С дальней стороны города гигантский белый дракон пролетел над Пентосом, ревом возвещая о своем прибытии. Его огромные крылья отбрасывали огромную тень, закрывавшую солнце, когда существо летело прямо над ними. Каждый удар сотрясал воздух, и фиолетовые глаза пронзали все под ним.

Дракон снова завопил и выплюнул ленивый язык чистого белого пламени из клыкастой пасти в небо. Он кружил над городом, описывая широкий круг.

— Фростфайр, — выдохнула Дени так тихо, что едва слышала себя.

Дракон был настоящим .

Иллирио издал очень недостойный крик рядом с ней, когда Визерис схватил Дейенерис за плечи, почти избивая ее своим волнением.

— Видишь, Дэни?! — воскликнул Визерис. «Драконы вернулись за мной! За законным королем! Они пришли, чтобы дать мне свою силу!»

Она лишь рассеянно кивнула. Не соглашаться с Визерисом в этом вопросе было бы очень неразумно.

Они смотрели, как дракон летит на восток, кружась над холмами неподалеку. Казалось, оно зависло там, и Визерис в спешке повернулся к сиру Джораху. «Готовьте лошадей! Мы должны преследовать его! Я заявлю, что дракон мой!»

Дени слышала, как Джорах помчался к конюшням, а также несколько слуг Иллирио, когда торговец наконец собрался. Ее глаза не отрывались от летящего над холмами дракона — Фростфайр не шел дальше. Она ждала .

«Джон», — подумала она с надеждой, наполнявшей ее сердце, когда она развернулась и погналась за Визерисом.

Они ехали сильнее и быстрее, чем когда-либо раньше, но все равно им потребовалось почти полчаса, чтобы добраться до своей добычи. Дракон все еще был в воздухе, кружа над тем же большим холмом к востоку от Пентоса.

Дени ехала с сиром Джорахом. Впереди нее Визерис мчался в бешеном темпе, чтобы добраться до большого белого хищника. Когда они приблизились, Фростфайр завизжал, заставив их остановиться и спешиться.

Она полетела вниз, чтобы встретить их, хлопая своими огромными белыми крыльями, пока ее ноги не коснулись земли с громким стуком. Крылья быстро сложились, чтобы она могла ходить на своих когтистых суставах, и красивая голова поднялась высоко, чтобы рассмотреть их. Дени встретила царственные фиалки того же оттенка, что и ее собственные глаза, и увидела в них разум, непохожий ни на одно другое животное.

Визерис чуть не спрыгнул с коня, несмотря на предостережения сира Джораха, и зашагал к дракону с полусумасшедшими глазами от радости и желания. «Великий дракон! Ты пришел за мной! За своим королем!..»

Губа Фростфайра опасно изогнулась, когда он приблизился, обнажая огромные клыки. Она бросилась вперед быстрыми шагами — быстрее, чем Дэни могла бы подумать, — пока не нависла над Визерисом и не зарычала на него. Это был мощный звук, который заставил его остановиться и посмотреть широко раскрытыми глазами.

Джорах встал между существом и Дени, настаивая на том, чтобы она оставалась на его лошади, если ей понадобится бежать. Он осторожно позвал Визериса. «Ваша светлость, он может быть слишком диким, чтобы его приручить!»

"Тишина!" — крикнул в ответ Визерис. Он замедлил свое приближение, но ее зубы, острее мечей, все еще угрожающе сверкали на него. «Ну же... я кровь дракона! Ты, конечно же, чувствуешь это!»

— Да, она это чувствует.

Визерис замер.

Дыхание Дени перехватило, когда на спине дракона появился молодой человек. Растрепанные волосы подростка были темно-соболиного, почти черного цвета, а его глаза были такими темно-серыми, что напомнили ей о безлунной ночи. Его кожа была бледной, только слегка загорелой там, где она могла видеть. Он носил одежду, подходящую для гораздо более холодного климата, чем Пентос, — меха и черный плащ, а также перчатки и ботинки того же производства.

Был задумчивый воздух о нем; определенное спокойствие, и все же он не был робким. Дракон опустила на землю, чтобы мальчику было легче спешиться, и тот осторожно спустился по ее огромному крылу. Ее глаза остановились на ее Наезднике, и он поднял руку, чтобы погладить ее морду, мягко толкнув голову дракона, чтобы он мог приблизиться к ним.

Когда он вышел вперед, его взгляд на мгновение переместился с Визериса на Джораха, а затем на Дени, где они остановились на ней на несколько мгновений. Ей казалось, что за ней наблюдает один из волков, которых она иногда видела в клетке в городе, но этот волк вырвался на свободу.

И она не чувствовала страха. Ей хотелось плакать от радости, но она сохраняла самообладание глубокими вдохами.

Джон.

Фростфайр смотрела на него так, как только дракон мог дать любви, и снова подняла голову, наблюдая, как группа Иллирио приближается к ним. Она фыркнула и зарычала, когда решила, что лошади подошли достаточно близко. Им не нужно было дальнейшее предупреждение.

— Она чувствует твою кровь, — повторил мальчик. «Но драконы связаны только с одним Райдером за раз. Пока я не умру, она не примет никого, кроме меня».

Дени взглянула на Визериса, который казался странно невозмутимым. На самом деле улыбка ее брата вернулась к нему. «Тогда ты пришел, чтобы посвятить себя моему делу, пожертвовав собой, чтобы дракон принял меня? Ты будешь вечно почитаться как тот, кто больше всех помог дому Таргариенов в трудную минуту...»

— Я пришел сюда не умирать, дядя.

Визерис замер, а его рот молча открывался и закрывался на несколько мгновений. "Дядя?"

— Этого не может быть, — выдохнул перед ней Джорах.

«Меня зовут Эйгон Таргариен. Моим отцом был Рейгар Таргариен», — сказал мальчик. «А мой дракон — Фростфайр».

"Не может быть!" — повторил Джорах, нахмурившись. «Если бы Принц привязался к дракону, вся Королевская Гавань обрадовалась бы. О драконе стало бы известно повсюду».

«Вылупление моего дракона держалось в секрете. Она родилась после битвы при Трезубце».

Мальчик замолчал, и дракон запел ему. Его губы расплылись в легкой улыбке, когда он

посмотрел на нее, а затем снова повернулся к своей аудитории. Его глаза то и дело скользили по Дэни, и казалось, что он очень хотел поговорить с ней. Она хотела того же.

Еще нет, сказали ей его глаза. Она ответила легким кивком. Скоро.

«Мы должны устроиться поудобнее. Это длинная история, которую я должен вам рассказать».

В Пентосе было жарко .

Эйгон уже снял свой темный плащ, что принесло некоторое облегчение. Ему все еще казалось, что он вот-вот растает, но он едва мог говорить со своим хозяином без рубашки. Это не было бы хорошим первым появлением.

Он очень старался не слишком фокусироваться на Дени. У него было детское желание подойти к ней, взять ее за руку и перенести на Фростфайр, чтобы они могли улететь далеко и далеко, но он сопротивлялся этому особому желанию.

Но вот она — серебристые волосы, фиалковые глаза, белокурая и, возможно, более красивая, чем он когда-либо видел ее в их драконьих снах о зимнем лесу.

К тому времени, когда Магистр привез из своего поместья палатку и удобные сиденья, был уже почти полдень. Эйгон пока что отказался возвращаться в город, несмотря на заверения этого человека в их безопасности.

«Я хотел бы обсудить кое-что здесь и сейчас», — сказал им Эйгон, демонстрируя власть, необходимую ему, чтобы ясно изложить свою позицию. «Мне нелегко доверять. Я хотел бы поговорить с вами, прежде чем подойти к городу, чтобы убедиться, что вы не люди, которые перережут мне горло ночью».

Он многозначительно посмотрел на Визериса. Его дядя уже просил мальчика умереть за него. Он был слишком поспешным.

— Конечно, — продолжил он. «Если ты планируешь убить меня, тебе важно знать, что драконы тесно связаны со своими наездниками. Если мне причинят вред в твоих стенах, она отреагирует полным гневом».

Фростфайр, возможно, не понимала всех слов, которые он говорил, но она понимала его энергию и намерения. Она знала, что Эйгон твердо укрепляет свое господство, и выплюнула язык раскаленного добела драконьего пламени прямо в воздух, чтобы дополнить его угрозу.

Его удовлетворили настороженные — и испуганные — взгляды, которые они бросили на его дракона. Они не настолько глупы, чтобы рисковать гневом Фростфайра. Они понимали, что она сожжет дотла весь Пентос и всех в нем, если Эйгону навредит.

Хороший.

Мало что было сказано, в то время как слуги Иллирио принесли все необходимое, чтобы устроиться поудобнее. Визерис, казалось, обдумывал все в полной тишине, часто переводя взгляд с Эйгона на Фростфайра. Его взгляд часто задерживался на драконе с явным голодом, и мальчику это не нравилось.

Дени стояла рядом с лошастью и Рыцарем, который сопровождал ее сюда. Он выглядел несколько знакомым, но Эйгон не мог понять, что именно.

Когда слуги Иллирио наконец принесли им палатку, сиденья и еду, Эйгону пришлось скрыть свое облегчение от возможности сесть на что-то, кроме твердой земли или жесткой чешуи спины Фростфайра. Он устроился на нелепо плюшевой сидячей подушке напротив Визериса, Иллирио и Дени, сидевших на таких же подушках. Рыцарь стоял позади пары Таргариенов. Поспешно принесли еду и подали им вместе с вином.

Фростфайр наблюдала за ними, свернувшись калачиком на земле и запрокинув голову за спину Эйгона, чтобы заглянуть в палатку. Ее фиолетовые глаза пронзили их всех, но Эйгон откинулся на ее череп и рассеянно потер чешуйки. Дракон издал тихую трель в ответ на его прикосновение, но она не отвела взгляда от своего хозяина.

Рыцарь, казалось, узнал одежду Эйгона. «Ты с Севера. Из Вестероса».

— Да, — сухо сказал Эйгон.

— Как ты оказался здесь?

«Я получил известие, что часть моего Дома еще уцелела», — ответил он. «Фростфайр становился слишком большим, чтобы его можно было спрятать, даже на крайнем севере. Я почувствовал, что пришло время покинуть Вестерос и разыскать своих последних выживших сородичей».

Эйгон подготовил эту историю, когда они летели в Пентос. Он не мог выдать свою истинную личность, не мог рисковать Домом Старком. Он принял предложение сира Аллисера почти двухлетней давности выдать себя за Эйгона Таргариена Элии Мартелл, его сводного брата, убитого Ланнистерами.

— Что касается того, как я здесь оказался, — Эйгон погладил Фростфайра по чешуе и улыбнулся. «Я думаю, что ответ на этот вопрос должен быть довольно очевидным, не так ли?»

Рыцарь кивнул, и Эйгон склонил голову. — Вы тоже с севера. Я узнаю этот акцент. Кто вы?

«Это сир Джорах Мормонт, племянник», — впервые заговорила Дени.

Джорах Мормонт. Черты Рыцаря выделялись сейчас больше, чем прежде. Моложе, чем Лорд-командующий, но теперь, когда он искал это, были явные отношения.

Радость, которую он испытал, впервые услышав, как Дени говорит за пределами их снов, была отравлена личностью Рыцаря. Глаза Эйгона потемнели, когда он посмотрел на мужчину.

— Мормонт, — повторил он мягким и смертоносным голосом. «Вы случайно не сир Джорах, о котором я слышал в Вестеросе? Тот, кто был сослан за продажу браконьеров в рабство?»

Рыцарь замер, а Дени замерла, широко распахнув глаза. Взгляд Фростфайр был устремлен на Мормонта, совпадающий с опасным взглядом ее Всадника, даже если она не знала, почему он злится на этого человека. Казалось, что все перестали дышать, опасаясь вызвать гнев дракона и ее Наездника.

— Да, — наконец ответил Джорах. «Мой самый большой позор».

— Мое доверие уже истощается, — прорычал Эйгон, все еще глядя на него. "Я не думал, что вы должны держать такого рода компанию среди вас, дядя."

— Ну же, — попытался Иллирио разрядить напряженную атмосферу. «У всех нас есть свои грехи, не так ли? Это не должно делать нас врагами. Сир Джорах честно служил вашему Дому с тех пор, как он был нанят им, принц Эйгон».

— Король, — поправил Эйгон, заставив торговца моргнуть. Ему нужно было покончить с этим, даже если он этого не хотел. «Я наследник наследного принца Рейегара, а значит, я глава дома Таргариенов, магистр. Законный наследник Железного Трона. В будущем вы будете называть меня «Ваша светлость».

Визерис ошетинился, а Дени бросила на брата нервный взгляд. «Ты переступаешь границы, племянник. Я наследник!»

"Нет, я думаю, что нет."

Визерис резко встал, и Фростфайр зарычала, обнажив огромные клыки и глядя на него. Эйгон не мигая смотрел на него, даже не вздрогнув от угрозы дракона позади него.

— Не бросай мне вызов, дядя, — предупредил его Эйгон, пока мужчина застыл под взглядом Фростфайра. «Я прощаю, а мой дракон — нет».

Визерис был готов взорваться, но его глаза были прикованы к горящим фиалкам дракона позади Эйгона, и он медленно сел. Его взгляд упал на землю, и он тяжело дышал. Но он ничего не сказал.

Подчинение.

Эйгон внимательно наблюдал за ним еще несколько мгновений, прежде чем поднять взгляд на Джораха Мормонта. «Должен признаться, мне очень хочется продолжить с того места, где остановился Эддард Старк, и казнить тебя за твои преступления. Но я пришел сюда не для того, чтобы проливать кровь. Дейенерис, хорошо ли он поступил с нашим Домом?»

«Хотя он не стал откровенничать со своим прошлым», — сухо признала она, оглядываясь на Джораха через плечо. «Он был добрым и благородным столько, сколько я его знаю».

Эйгон еще несколько мгновений изучал Джораха. «Я не убью тебя. Не сегодня».

Рыцарь беспокойно опустил голову. — Благодарю вас, ваша светлость.

Хотя Визерис напрягся от титула, который когда-то принадлежал ему, он ничего не сказал. Губа Фростфайра сжалась, и угрожающий воздух почти рассеялся. Эйгон глубоко вздохнул. Он знал, что ему нужно успокоить собственный гнев. Это становилось слишком интенсивным.

«Простите мою вспыльчивость», — вздохнул он, и зрители посмотрели на него, возможно, почувствовав возможность оливковой ветви. «За последние две недели я проделал весь путь из самых северных частей Вестероса в Пентос. Сказать, что я устал, это... мягко сказать».

— Это понятно, ваша светлость, — Иллирио быстро ухватился за шанс снять напряжение. «Это невероятное расстояние, которое нужно преодолеть за такое короткое время».

Он фыркнул. «Конечно. На меня даже напали однажды, когда Фростфайр охотился».

— Вы были ранены? — спросила Дэни с беспокойством в глазах.

«Нет. Воры были дураками, которые считали меня беспомощным мальчиком. Я убил их», —

ответил он. — Я тоже непривычен к жаре. Я всю жизнь прожил на Крайнем Севере, после того, как меня тайком вывезли из Королевской Гавани в младенчестве. Я привык к холоду, а жара не совсем щадит мне."

«Я позабочусь о том, чтобы мы нашли вам одежду, более удобную для этого климата, ваша милость», пообещал Иллирио, улыбаясь ему. Эйгон благодарно кивнул.

«Это, безусловно, будет оценено».

Магистр просиял, и Эйгон сумел улыбнуться в ответ. Воздух, наконец, начал расслабляться.

— Сейчас, — сказал он. «Моя семья была в разлуке слишком много лет. Визерис, Дейенерис, я очень хотела встретиться с вами обоими. Я бы поделилась с вами своей историей, если бы вы поделились своей».

Он попытался включить своего дядю. Визерис уже был на очень коротком поводке с Эйгоном, но он хотел, по крайней мере, дать ему презумпцию невиновности. Визерис прожил трудную жизнь, как и Дэни, и он не хотел конфликтовать с этим человеком, если тот был готов пойти на какие-то уступки.

Визерис не выглядел нетерпеливым, но кивнул. Дэни просто улыбнулась, ярко и счастливо, и Эйгон почувствовал, что успокаивается.

Он многое знал об их истории, пока Визерис говорил, и Дени иногда вмешивалась. Иногда это, казалось, раздражало ее брата, но он не реагировал на нее агрессивно. Тем не менее, было приятно услышать, чем они занимались.

Пока они не добрались до темы брака Дени с дотракийским кхалом.

Ее счастье, казалось, умерло у него на глазах, и Эйгон нахмурился. — Почему ты ее продаешь?

«Чтобы завоевать лояльность дотракийцев. Имея конных лордов под моим командованием, Вестерос падет тем легче», — сказал ему Визерис, и в его глазах снова появился свет при мысли о завоевании.

— Они будут в моем распоряжении, дядя, — напомнил ему Эйгон, заставив мужчину снова напрячься. «И я не понимаю, как это может убедить их последовать за вами».

Визерис указал на Дейенерис. «Взгляните на свою тетю, племянник, и скажите мне, что она не самая красивая и соблазнительная женщина, которую вы когда-либо видели! Последняя женщина Таргариенов — бесценный подарок для варваров! Кхал Дрого обязательно последует за мной — за нами, если мы подарите ее ему!»

Дэни все больше и больше уходила в себя, словно пытаясь спрятаться от брата. Глаза Эйгона сузились от ее дискомфорта. "Нет, я думаю, что нет."

— Ваша милость... — попытался Иллирио, но мальчик раздраженно покачал головой.

«Ты можешь продать этому кхалу тысячу женщин, и они не пойдут за нами», — сказал Эйгон Визерису, который открыл рот, чтобы возразить. «Дотракийцы не подчиняются чужеземцам, дядя. Их жизнь состоит в том, чтобы совершать набеги, насиловать и грабить. Вы не можете всерьез полагать, что если отдать им свою сестру, будет достаточно, чтобы убедить их следовать за нами через море, которому они глубоко не доверяют. Нет, все, что они понимают,

— это сила. Если вы не докажете, что вы сильнее их, они никогда не последуют за вами».

"У меня есть слово кхала!"

«Я полагаю, что Кхал не дальше, чем вы сможете бросить его. Повелители Лошадей идут на уступки; если вы не будете продолжать дарить им подарки, они совершат набеги на вас. Разве ваш город не так поступает, чтобы воспрепятствовать набегам, магистр?»

— Так и есть, — признал Иллирио. «Но обещание славной битвы, скорее всего, повлияет на кхала».

"Вероятно? Не уверен?" — резко спросил Эйгон. Магистр помедлил, прежде чем медленно кивнуть. «Вы хотите, чтобы я продал Дейенерис ради шанса на союз? Я еще больше не согласен с этим предложенным браком. Нет, я не позволю продать Дейенерис, чтобы она стала шлюхой-невестой для варвара».

"Аранжировка уже завершена!" Визерис запротестовал.

— Если мы разорвем брак сейчас, город обязательно подвергнется нападению, ваша светлость, — поспешно согласился Иллирио.

«Если этот кхал настолько глуп, чтобы бросить вызов дракону на открытом поле, я сожгу его вместе с полями и всем остальным», — сказал он категорически.

Иллирио поджал губы. «Их стрелы...»

Фростфайр фыркнул, насмехаясь над угрозой. Губы Эйгона изогнулись в опасной улыбке. «Я хотел бы посмотреть, как их палочки попытаются поцарапать мою драконью шкуру, магистр. Нет, с этого момента договоренность недействительна. Мы не будем продавать мою тетю, чтобы согреть постель дикаря».

Дени выглядела готовой заплакать, но сохраняла самообладание с отработанной осторожностью. Эйгону пришлось сопротивляться желанию обнять ее и утешить.

Напротив, Визерис был в ярости. — Тогда как нам собрать нашу армию?

— Эту тему мы можем подробно обсудить в другой раз, — сказал ему Эйгон. «Я бы не стал обсуждать войну с моей семьей, с которой я только что воссоединился. То, о чем мы говорили до сих пор, уже было попыткой. Мы обсудим Вестерос в другой раз, дядя Визерис. Это я тебе обещаю».

Мальчик воспользовался моментом, чтобы откусить один из апельсиновых фруктов, которые принес сюда Магистр, и отпрянул, когда наткнулся на жесткую шкуру. Он моргнул, глядя на еду, и Дэни хихикнула.

«Ты должен очистить этот конкретный фрукт, племянник».

Эйгон почувствовал, как его щеки вспыхнули от смущения, но это заставило его рассмеяться. «Кажется, к южной еде нужно привыкнуть».

Это вызвало у его аудитории несколько смешков, а губы Эйгона расплылись в широкой улыбке. Теперь он начал чувствовать себя более комфортно. Он отмахнулся от одного из слуг, пришедших чистить фрукты, и вытащил свой охотничий нож, чтобы снять с него кожу. Он

попробовал один из кусков, которые он вырезал, как только шкура исчезла.

«Очень вкусно», — признал он. Это было сладко и остро; в отличие от всего, что он ел раньше.

— Многие из наших блюд, ваша светлость, — пообещал Иллирио. Эйгон был уверен, что это не просто хвастовство. Он не мог отрицать, что был взволнован, увидев больше Pentos.

Он никогда не был на юге, не говоря уже о юге на другом континенте.

— Думаю, пришло время рассказать тебе свою собственную историю, — признался Эйгон.

— Ах да, великая тайна! Как вы выжили? Кто-нибудь еще из вашего Дома был спрятан, ваша милость?

Его улыбка умерла. «Нет. Моя мать, принцесса Элия, была изнасилована и убита Горой, Грегором Клиганом. Моя сестра Рейнис встретила более быстрый конец от рук Амори Лорха. Я — все, что осталось».

Глаза Визериса горели от ярости, и сама Дэни выглядела сердитой. Эйгон разделял это чувство; он презирал тех, кто так жестоко разрушил всю оставшуюся у него семью. Возможно, он не хотел войны, но он хотел справедливости, если ничего другого.

— Как вы выжили, ваша светлость? — нерешительно спросил сир Джорах. «Мы слышали, что Гора ударила принца Эйгона лицом о стену Красной крепости».

Эйгон нахмурился. «Несколько человек, верных нашей семье, обменяли меня на другого ребенка и увезли. Другой ребенок был убит вместо меня».

— Благословение, — начал Иллирио, но застыл, увидев гнев на лице Эйгона.

— Мы не празднуем смерть младенцев, — прошипел он. «Ребенок был так же невинен, как и я, и они не заслужили своей участи. Я даже не знаю имени того, кто умер, чтобы я мог жить».

— Я не собирался оскорблять их жертву, ваша милость, — тихо сказал ему магистр.

«Я знаю. Прости меня, тема... деликатная. Мне не нравится говорить об этих несправедливых убийствах».

«Я полагаю, что смерть твоего отца и деда также глубоко разозлила тебя».

— Мой отец, — он поджал губы. «Я не знаю, как себя чувствовать. Он сбежал с Лианной Старк и этим поступком начал восстание Роберта. Что бы ни случилось потом, никто не знает. Но Эйрис Таргариен заслужил свою судьбу».

"Это вздор!" — воскликнул Визерис. Дэни посмотрела на него с обиженным выражением лица.

Эйгон в замешательстве моргнул. "Извините?"

«Племянник», Дэни глубоко нахмурилась. «Наш отец был великим королем, любимым народом. Не надо так о нем говорить».

Он посмотрел на нее, потом на Визериса. «Что вы знаете об Эйрисе Таргариене?»

"Больше, чем вы, очевидно," отрезал он.

— Нет, я так не думаю, — медленно сказал Эйгон. — Вы наверняка слышали о его преступлениях? Его гнусной репутации?

«Ложь, распространяемая нашими врагами!»

— Нет, Визерис, — покачал головой Эйгон. «Это не ложь».

Дэни в замешательстве переводила взгляд с Эйгона на брата и обратно. Позади нее сир Джорах поджимал губы, словно пытаясь заставить себя молчать. "Что вы имеете в виду? Какие преступления?"

— Мой дедушка, — начал Эйгон. «Эйрис Таргариен был монстром. Вы знаете, что наша семья иногда страдает из-за нашего происхождения — цена, которую мы платим за то, что так тесно связаны с драконами, не так ли?»

— Мелкие проблемы, — отмахнулся Визерис. «Маленькие жертвы ради нашей магии».

— Для некоторых из нас — да, — признал он. «Но Эйрис был сумасшедшим. Он был жестоким и безумным, особенно после Вызова Сумеречной Долины. Он сжигал людей Диким огнём ради удовольствия. Когда Рейгар забрал Лианну Старк, её отец и брат поскакали в Королевскую Гавань, чтобы потребовать её освобождения. Эйрис арестовал их обоих, он сжег Рикарда Старка заживо, а Брэндон Старк задушил себя, пытаясь спасти своего отца. И это только одно из его преступлений».

Кровь отхлынула от лица Дени и сменилась ужасом. Визерис бушевал против предполагаемой несправедливости по отношению к его отцу.

«Они были предателями! Это было не их место...»

«Эйрис неоднократно насиловал Раэллу Таргариен, Визерис. Его жену. Твою мать».

Визерис замолчал и побледнел от гнева. «Это ложь».

"Нет, это не так."

«Ты вырос под влиянием мужчин Севера, — выплюнул Визерис. «Вас отравили предатели...»

«Я вырос среди лоялистов Таргариенов, которые прятали меня, дядя. Они рассказывали мне такие вещи».

"Значит, они не были верны!"

«С их стороны было несправедливо рассказывать мне правду о нашей семье? Я слышал все рассказы о нашей истории — все, от Старой Валирии до моего тезки и его завоевания Вестероса, и не только. В нашей семье есть великие мужчины и женщины. , Визерис, но Эйрис был монстром . Он поставил нас на грань вымирания своим безумием».

Визерис, похоже, не соглашался, и это заставило Эйгона насторожиться. Но дальнейшее обсуждение этой темы прекратилось, когда Дэни оттолкнула стоявшую рядом с ней тарелку с едой.

"Я не верю , что я больше не голодна," хрипло сказала она.

Он не винил ее. Услышав о преступлениях Эйриса, Эйгон заболел, когда впервые услышал о

них, и этот человек был его дедушкой. Он с трудом мог себе представить, что, должно быть, чувствовала Дени, услышав это.

Эйгон почувствовал себя еще более уставшим. Долгий перелет уже утомил его, но сейчас он действительно был истощен.

«Я думаю, что остальная часть моей истории может подождать до другого раза», — сказал им Эйгон. «Мы много говорили, и я устал. Я хотел бы, чтобы мы продолжили этот разговор завтра, может быть».

Иллирио кивнул, явно не желая нарушать молчание. Он щелкнул пальцами, и слуги начали все убирать. Когда Магистр наконец заговорил, он колебался. — Не могли бы вы вернуться с нами в Пентос, чтобы отдохнуть в моем поместье, ваша светлость?

Эйгон взвесил риски и наконец кивнул. «Да. Фростфайру все равно нужно охотиться. Я вернусь с тобой».

«Великолепно! К тому времени, как мы вернемся, я приготовлю для вас ваши покои. Э-э... что насчет вашего дракона, ваша светлость?»

Он улыбнулся и нежно погладил белые чешуйки. «Она построит свое гнездо за пределами Пентоса. Города не подходят для содержания драконов. Это будет ее раздражать. не здесь. Если кто-то подойдет слишком близко, я думаю, она, скорее всего, убьет их».

«Я обязательно передам сообщение любому из моих коллег, который станет слишком любопытным», — сказал ему Иллирио.

— Спасибо, — Эйгон медленно встал, морщась от боли в ногах. — Тогда поедem в Пентос.

Когда они прибыли в роскошное поместье, Визерис немедленно извинился.

«Думаю, я пойду в свои покои до конца дня», — сказал его дядя. «Мне есть о чем подумать».

Он ушел, не сказав больше ни слова, и Эйгон осторожно смотрел ему вслед. Он не мог решить, был ли Визерис лучше или хуже, чем он ожидал. Он еще не потерял самообладание рядом с Эйгоном, но полагал, что присутствие Фростфайра было главным виновником этого. Теперь он увидит, каким был Визерис без свирепого взгляда дракона.

Иллирио также извинился, чтобы встретиться со своими коллегами и подготовиться к вечернему пиру, чтобы отпраздновать прибытие Эйгона — знаменательный случай, чтобы собрать вместе последних Таргариенов, как он заявил. Во всяком случае, толстяк двигался гораздо быстрее, чем мальчик от него ожидал.

Слуги проводили его в его покои, и он остановился перед дверью. Дени шла с ним туда вместе с сиром Джорахом, который все еще охранял ее.

«Этого будет достаточно, сир Джорах», — Дени повернулась, чтобы посмотреть на него. «Я хотел бы поговорить с моим племянником наедине».

Он перевел взгляд с Дени на Эйгона. — Это разумно, принцесса?

Эйгон поднял бровь, глядя на мужчину, но Дени улыбнулась. «Я буду в безопасности».

— Если позволите, принцесса Дейенерис, — снова попытался Джорах. «Он может быть вашим

племянником, но мы еще не знаем его намерений... при всем уважении, ваша светлость».

— Это понятно, — ответил Эйгон, заставив Рыцаря замереть от удивления. «Я для вас незнакомец. Знайте, что я тоже не доверяю вам, сир Джорах, но я никогда не причиню вреда принцессе Дейенерис. Даю вам слово».

Наконец он медленно кивнул. "Очень хорошо. Принцесса, если я вам понадобится, вам нужно только позвонить."

Эйгон смотрел, как Рыцарь уходит, чувствуя себя несколько неловко. Ему не нравилось, как Джорах настаивал на том, чтобы оставаться рядом с Дени. Он понимал, что настороженно относится к новичку, но дважды расспрашивал свою принцессу.

Возможно, он просто устал и слишком много думал.

Эйгон вошел в свои новые покои — роскошную комнату, что неудивительно, с большой кроватью, удобными простынями и занавесками, закрывающими свет заходящего солнца из окон. Он был по-прежнему хорошо освещен, но уютен. На краю его кровати было отложено несколько комплектов иностранной одежды. Иллирио, несомненно, пошел вперед и попросил принести ему что-нибудь удобное.

Надеюсь, он не ошибется, надев их так же, как пытался откусить неочищенный фрукт.

Дени закрыла за ними дверь, выпроводив слугу, который в последнюю минуту делал в комнате последние штрихи. Джон повернулся к ней лицом.

Наконец-то один.

Здесь не было зимнего леса, и ее туфли цокали по земле, когда она шла к нему. Фростфайр был далеко, охотился на равнинах.

Дэни обвила его руками, и Джон поймал ее, держа за талию и сжимая так сильно, что он почувствовал, как дыхание покидает ее. Он уткнулся лицом в ее шею и вдохнул ее воздух. Она пахла цветами и каким-то заграничным кремом, что напомнило ему море.

— Ты пришел, — задрожала она, и он почувствовал, как его рубашка намокла от ее слез. — О боги, ты действительно пришел за мной.

— Ты сомневался во мне? — спросил Джон, улыбаясь.

«Я слишком долго боялся, что ты всего лишь плод моего воображения. Мечта девушки».

— Драконьи сны, Дэни, — пробормотал он.

«Годы им», она отстранилась и посмотрела на него, подняв руку, чтобы коснуться его щеки. Ее пальцы были мягкими и теплыми, глаза полны слез, которые уже текли по ее лицу. «Я мечтал о тебе и Фростфайре много лет».

— А мы мечтали о тебе.

Она влажно рассмеялась, и он поднял руки, чтобы вытереть ее слезы, нежно держа ее лицо в своих ладонях. Она схватила его запястья и крепко сжала, словно убеждая себя, что он настоящий. «На этот раз нам не придется расставаться».

— Нет, — покачал он головой.

— Джон, — выдохнула она. Он прижался губами к ее виску. — Скажи мне, что ты останешься.

«Я остаюсь, Дени. Я не собираюсь снова оставлять тебя».

И в этот блаженный момент Дейенерис Таргариен и Джон Сноу впервые в жизни обнялись.

<http://tl.rulate.ru/book/80897/2471515>